

**НОТАРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДЬЯЧИХ В
УФИМСКОМ УЕЗДЕ В XVIII В.**

А.Р. Хайбуллин

Аспирант кафедры теории и истории государства и права
Институт права ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».
450000, Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131
E-mail: conf-xar@bk.ru

В статье анализируется вопрос формирования и деятельности подьячих в Уфимском уезде в первой половине XVIII в., раскрываются особенности развития отечественного нотариата на примере территории данного уезда.

Ключевые слова: подьячий; регистрация; нотариат; Уфимский уезд; нотариальный акт

Участники гражданско-правовых отношений с усложнением общественных реалий прибегают к письменному оформлению перехода вещного права. Облачение правоотношений в письменную форму должно сопровождаться его публичным признанием. Последнее возможно при создании квалифицированного письменного акта, который совершается уполномоченным государством должностным лицом или органом. Первые указания на деятельность специализированных должностных лиц, которые составляли нотариальные документы, относятся к первой половине XVI в. Площадные подьячие составляли и регистрировали гражданско-правовые акты. Для развития отечественного нотариата деятельность площадных подьячих сыграло немаловажную роль. Среди известных работ по истории российского нотариата отсутствуют исследования, посвященные анализу формирования и деятельности подьячих на региональном уровне. Ниже пойдет речь о деятельности подьячих Уфимского уезда в первой половине XVIII в.

С 90-х гг. XVI в. по 1708 г. включительно на территории Башкирии действовала воеводская система управления. Со строительством в 1574 г. города Уфы Башкирия выделяется в особую административно-территориальную единицу – Уфимский уезд. На территории Уфимского уезда, действовал воевода с подчиненным ему Уфим-

ской приказной избой. Приказная изба возглавлялась дьяком. В ней хранились государственные грамоты, печать, приходные и расходные документы, росписи разных податей и сборов и специальные книги [3, с. 72]. Делопроизводство в приказной избе велось приказными и площадными подьячими, которые возглавляли особые крепостные столы. Воевода назначал на должность приказных подьячих для писания крепостных актов. Кандидаты должны были отвечать требованиям порядочности, знания письменной грамоты. При поступлении на службу подьячий давал письменную присягу о добровольном исполнении возложенных на него полномочий под угрозой смертной казни. Впоследствии приказные подьячие приказной избы осуществляли функции по составлению и регистрации разного рода сделок и актов, сумма которых не превышала 100 рублей. В 1734 году в разъяснении Сената было указано, что по коммерческим актам (как наемным, подрядным и др.) допускается составление на сумму и выше 100 рублей. В фондах Российского государственного архива древних актов хранятся различные крепостные, явочные, дворовые, заемные книги Уфимской приказной избы, Бирской приказной избы, Мензелинской приказной избы. Так, 12 февраля 1706 г. в Уфимской приказной избе была засвидетельствована заемная запись башкир Сибирской дороги Кара-Табынской волости Бурангула Кайбалина с братом и подьяческого сына Данила Моисеева. В акте запи-

саны приказные подьячие Феоктист Васильев и Андрей Протопопов, одновременно они указаны как свидетели [5, с. 20]. Благодаря этой лазейке, когда свидетелями являлись сами подьячие, обнаружить их злоупотребления было крайне трудно. Нужно отметить, что по реформе Петра I институт свидетелей не отвечал тем требованиям, которые ему предъявлялись.

В 1706 году из ведомства воевод и приказной избы были изъяты полномочия по составлению и регистрации частноправовых актов. С указанного периода нотариальные функции исполняли подчиненные Московской ратуше земские избы. Московская ратуша – это переименованная с 1700 г. Бурмистрская палата в Москве, которая ведала делами купцов и посадского населения с 1699 г. Во главе Московской ратуши стоял бурмистр, а в состав входили райцы (советники). Создание данного органа было мотивировано правительством тем, что торгово-промышленное население «в разных приказах и от приказных и разных чинов от людей нападков и убытков и разорения не было» [3, с. 86]. Помимо полицейско-судебных полномочий, в задачи ратуш входили вопросы финансового и налогового сектора. На территории Уфимского уезда действовала Уфимская земская изба. Из Уфимской приказной избы были переданы в Уфимскую земскую избу записные книги: «дворовые, приказные, явочные, старых крепостей, заемные и разных крепостных актов» [8]. Но нотариальное производство в Уфимском уезде вплоть до 1714 г. включительно также продолжалось в лице площадных и приказных подьячих и в документах фиксировалось как Уфимская приказная изба. Приказным подьячим конторы крепостных дел пригорода Каракулина Уфимской приказной избы Афанасием Каракулиным 26 мая 1707 г. была засвидетельствована запись между крестьянами Овчинниковым С.К. с товарищами и крестьянином Сапожниковым С.К. на половничество [5, с. 34]. Также приказной подьячий Иван Петров конторы крепостных дел г. Бирска Уфимской приказной избы 6 мая 1714 г. внес в записную книгу сделку между башкиром Казанской дороги Каршинской волости Юсупом Шаховым и ясачным татарином

Казанского уезда Арской дороги Уразметом Тутушевым об отдаче в оброчное владение на 40 лет своей вотчинной земли по р. Белой [5, с. 111].

Так, в период правления Петра Великого нотариальные функции исполняли различные органы. В связи с разобщенностью таких органов наблюдалась определенная путаница и росли злоупотребления. Так, приказные подьячие, которые помимо нотариальных полномочий осуществляли дело-производство в приказе, исполняли судебные и иные государственные обязанности. Поэтому случалось, что приказные подьячие отказывали обратившимся лицам в составлении и регистрации актов из-за перегруженности или специально затягивали процедуру нотариального производства, выманивая взятки [9, с. 13]. Реформа также оказалась провальной из-за отсутствия конкретного органа, компетентного исключительно по нотариальным задачам. Вместе с тем, ее положительная сторона состояла в том, что были разработаны виды актов и порядок их совершения. Также благодаря введению гербовой бумаги выросли доходы казны от пошлин, но эта финансовая нагрузка пала на заинтересованных в совершении нотариальных актов лиц.

С изданием указа от 18 декабря 1708 г. [7, с. 436] в стране была введена губернская система управления. С учреждением губерний крепостные дела перешли к губернаторам. Уфимский уезд с 1708 по 1712 г. находился в составе Казанской губернии [3, с. 97]. Новая система местного управления была изложена в инструкции от 12 сентября 1728 г. Управление осуществляли: губернатор – в провинциях, воеводы – в уездах. Вместе с тем воеводская и приказная администрация заменяется провинциальной канцелярией [7, с. 624]. На территории Уфимского уезда начинает действовать Уфимская провинциальная канцелярия, которой непосредственно руководил канцелярист. В круг полномочий канцеляриста входили управленческие, исполнительские, судебно-административные функции.

В Уфимской провинциальной канцелярии состояли подьячие (площадные подьячие, подканцеляристы) и писцы (писари), которые унаследовали нотариальные

функции от подьячих приказов. В отличие от подьячих канцелярист состоял на государственном обеспечении. Доход подьячих формировался от поступлений за совершение нотариальных актов от обратившихся к нему лиц. Причем размер гонорара подьячего за нотариальное действие определялся по соглашению с заявителем. Немаловажно отметить, что должность подьячего со времен Уложения 1649 г. являлась весьма прибыльной. В должности подьячих находились целые династии и исполняли свою работу десятки лет. В частности, Иван Протопопов, который еще в 1701 г. в актах значился как площадной подьячий Уфимской приказной избы, уже в 1741 г. служил как подьячий, позже подканцелярист Уфимской провинциальной канцелярии. Похожая ситуация была с Данилом, Василием, Андреем, Аврамом и Борисом Протопоповыми.

Крепостной порядок совершения актов подьячими и писцами (подканцеляристами) в провинциальной канцелярии сохранился прежний. Заинтересованные лица обращались в контору крепостных дел провинциальной канцелярии, где суть сделки или иного акта излагали подьячему. Затем подьячий удостоверялся в самоличности обратившихся лиц и проверял законность основания для совершения сделки, отсутствие отрицательных положений в сделке, которые могли наступить для стороны после заключения акта. Акт составлялся писцом конторы крепостных дел провинциальной канцелярии аккуратным почерком без приписок и поправок на гербовой бумаге. Исключения из правил было, когда просьба о поправке поступала от одной из сторон. В этом случае в акте писец указывал на данное обстоятельство с подписью сторон. Также гербовая бумага подписывалась на верху и внизу крепостным писцом с указанием «Уфимская провинциальная канцелярия». Все строки на акте заполнялись без оставления пустых мест между словами и подписями. Все акты должны были писаться по образцам, которые были выработаны еще в Оружейной палате в Москве. Но эти документы не нашли себе применения [2, с. 40]. Широко использовался привычный способ со времен площадных подьячих, когда акт составлялся от имени свершителя и

начинался со слов «се азъ». После изложения содержания акта в конце приводились подписи свидетелей и данные о писце и подьячем, которые заверяли свои подписи печатью провинциальной канцелярии. Свидетели, помимо своих фамилий и имен, также должны были указать должность и чин. Количество свидетелей в зависимости от рода акта отличалось. Если сумма акта превышала 200 рублей, то требовалось от трех до пяти свидетелей. А по сделкам меньше 200 рублей минимальный порог составлял два свидетеля. Свидетелями могли быть «только люди добрые, известные, достойной веры и такие, которых бы впоследствии, в случае надобности можно было отыскать» [6, с. 68]. Следует заметить, что при провинциальной канцелярии состояли постоянные свидетели. После подписания акта всеми указанными лицами взималась гербовая пошлина. Затем запись о внесенной сумме писец вносил в приходную книгу сборов, где подписывались также заинтересованные лица вместе с подьячим и писцом. Сведения о самом акте также вносились в отдельные книги. Поскольку крепостной порядок составления и регистрация акта оставался прежним, то также сохранилось деление крепостных актов на «статьи». По взысканным сборам подьячий вносил запись разными способами в зависимости от принадлежности акта к конкретной «статье», а именно указывал следующее: «такого-то года, месяца и числа пошлины» – для крепостей второй статьи; «и за письмо», «и с той записи пошлины» – в крепостях всех трех статей. Например, 13 декабря 1723 г. подьячий Михаило Кокорин свидетельствовал составленную пищиком Василием Кириловым запись уфимского дворянина И.И. Савина уфимскому пушкарю М.Н. Сапожникову о приписке его в свой жеребий отцовской поместной земли за р. Белой и Демой. В конце акта приписано: «и с той записи пошлин, за письмо, от записи тож ... 2 алтын взято» [5, с. 222]. По исследованным крепостным актам, можем констатировать, что подьячий указывал себя не только как свидетель, но и как писарь. Возможно, что это делалось в целях экономии времени на составление и засвидетельствование акта. Так, 10 сентября 1715 г. площадной подьячий Уфимской

провинциальной канцелярии Михаил Прокофьев засвидетельствовал запись уфимского служилого человека И.Д. Жукова торговому человеку Дмитрию Осиповичу на отдачу ему в оброчное владение на 20 лет своей поместной земли [5, с. 130].

В случае если заинтересованное лицо не может по уважительным обстоятельствам лично обратиться в контору крепостных дел и не имеет возможности отправить кого-либо вместо себя, то крепостной писец мог составить акт на дому. Конечно, при условии наличия разрешения от канцеляриста. Составленный на дому акт подписывался заявителем, свидетелями и крепостным писцом, после чего акт засвидетельствовался в крепостной конторе подьячим и вносились записи в книгу. Через доверенного лица или непосредственно крепостной писец возвращал нотариальный акт заявителю. Если заинтересованным лицом вносились изменения в совершенный акт, то последний переписывался с изменениями. Сумма пошлин взыскивалась как за новый акт в соответствии с рассмотренными выше правилами. Также в инструкции Сената от 8 июня 1738 г. были предусмотрены нормы, регулирующие порядок предоставления нотариальных выписок из крепостных книг «в случае утраты подлинных, не уничтоженных крепостей». Заинтересованное лицо обязано было доказать, что прежде выданный ранее акт не уничтожен специально и действительно утерян или сгорел. При обращении заявитель должен был письменно изложить обстоятельства утери, данные о совершенном акте и изложить просьбу о выдаче выписи из соответствующей книги. Однако юридическая сила подлинного нотариального акта и выписи из записной книги в то время была не равнозначной. В случае спора по предмету составленной выписки из записной книги разбирательство велось исключительно в судебном порядке. Выпись из записной книги не носила характера отдельного нотариального документа, значит, не была квалифицированным бесспорным письменным доказательством. Отчасти законодатель не наделил выписи публично-правовой силой, поскольку такие документы могут стать основой для подлога. Допустим, если заявитель просит сделать выпись

из заемной книги, где предметом была заемная запись, а сам долг уже возвращен кредитору, то имеет место злоупотребление правом. Поэтому имперское правительство весьма осознанно придало доказательственную силу только крепостным актам.

С течением времени произошли изменения в наименовании уполномоченных лиц нотариальной части в провинциальной канцелярии. В 1728 году подьячие Уфимской провинциальной канцелярии были переименованы в подканцеляристов, а писцы стали преимущественно называться как пищики. Тем самым должность подьячего, имевшая более чем двухвековую историю исполнения нотариальных функций, была упразднена. С 1726 года все больше встречаются акты, которые засвидетельствованы канцеляристом Уфимской провинциальной канцелярии. Как правило, среди изученных нотариальных записей канцелярист совершал акты вместе с подьячим, подканцеляристом. В сохранившихся книгах канцеляристами в крепостном порядке заверены преимущественно акты по предметам недвижимого имущества. Канцелярист Уфимской провинциальной канцелярии Иван Друецкий вместе с подьячим Петром Никоновым 22 августа 1728 г. засвидетельствовали запись башкира Казанской дороги Дуванейской волости Юсупа Мамбетова служилому татарину той же дороги Юсупу Байбулатову о припуске его свою повыть [5, с. 256].

Роль канцеляриста в нотариальной деятельности провинциальной канцелярии главным образом сводилась к функции контроля и надзора за работой подьячих (подканцеляристов) и писцов и утверждению крепостных книг. За правильность ведения таких книг, законность совершенных и записанных сделок в них и за полноту содержания отвечал канцелярист. В Уфимской провинциальной канцелярии сделки записывались в специальные книги – прототипы современных нотариальных реестров:

- книги записные вотчинные (записи купчих, закладных и оброчных на землю);
- книги записные дворовые (записи купчих на дворы и дворовые места);
- книги записи купчих, закладных и отпускных на крепостных и дворовых людей;

- книги записные сделочные;
- книги записные подрядные;
- книги записные поручные;
- книги записные заемные.

В конце каждого года составлялись общие приходные книги, в которых в кратком изложении фиксировались записи нотариальных актов из всех других книг. Подьячий Уфимской провинциальной канцелярии Иван Протопопов засвидетельствовал копию грамоты на тарханство Таймасу Шаммову, прикрепив печатью провинциальной канцелярии и подписью с внесением соответствующей записи в книгу [1, с. 144]. Таких записных книг в Уфе каждый год составлялось по 2–3 единицы. В свою очередь, каждая из них состояла из 2 книг, сшитых вместе. Книги пронумеровывались и были прошнурованы. Одна из них содержит записи заемных, закладных и купчих, другая – житейские кабалы.

Стоит отметить, что в настоящее время сохранены основные фонды в Российском государственном архиве древних актов, где более 180 единиц хранения представлены записными книгами крепостных актов, составленных на территории Башкирского края. Кроме того, в фонде хранятся 32 книги Бирска, 38 – пригорода Каракулина, 3 – Оренбурга и 109 – Уфы. Репрезентативность нотариальных книг позволяет с большой точностью проследить интенсивность экономических и социальных отношений населения края как причины развития нотариального дела в Башкирии. Необходимо заметить, что припускные договоры, которые регистрировались и заверялись в Уфимской провинциальной канцелярии, имели сложный состав сторон. Данное обстоятельство вносило в крепостной порядок свою региональную специфику, поскольку составленная припускная запись подписывалась сторонами, заверялась тамгой рода. Последнее связано с многочисленными злоупотреблениями со стороны припущенников, российских купцов и заводчиков при покупке башкирских земель. Факты злоупотреблений имели место и среди местных должностных лиц. Весной 1738 г. в Уфе переводчик Оренбургской комиссии Р. Уразлин принудил башкира Илекей-Минской волости Урлай Баскунова дать ему запись на

часть волостной земли. Затем в уфимской конторе крепостных дел Уфимской провинциальной канцелярии нотариально заверили договор уступки на вотчинные земли Урлай Баскунова в пользу толмача Уразлина. В 1741 году Уразлин незаконно арестовал Баскунова и 10 башкир его волости с целью, чтобы последние подтвердили перед воеводой наличие долга в размере 200 рублей. И якобы в счет погашения долга Баскунов уступил вотчинные земли Уразлину в «вечное владение». В 1743 году Баскунов и его товарищи пожаловались на действия переводчика Оренбургской комиссии вице-губернатору П.Д. Аксакову, но безуспешно [5, с. 513]. Имея горький опыт подобных случаев, башкиры – представители четырех дорог в лице старшины Темира Мутина и Юзеля Кармаева 29 сентября 1759 г. обратились с прошением в Сенат. Коренное население требовало, чтобы при продаже вотчинной земли было согласие всей волости и обязательность перевода акта на башкирский язык [4, с. 104]. Благодаря этому обращению, только при соблюдении указанных условий, крепостной писец, толмач (переводчик) крепостной конторы могли ставили свою подпись и печать провинциальной канцелярии. Один экземпляр сделки поступал на хранение в крепостную контору, а другой оставался у сторон. Изначально по нотариальному производству получает распространение высокий формализм как принцип публичного признания и защиты совершенных нотариальных актов.

В таком состоянии на территории Уфимского уезда нотариальное дело находилось до 1745 г. включительно. В общепримперской практике для нотариату дореформенного периода был свойственен хаотический характер выполнения публично-правовых задач различными органами и уполномоченными лицами. Законодателем не закреплялись четкие различия между разного рода маклерами и нотариусами. В результате те и другие выполняли схожие функции и вносили путаницу в разграничение компетенции. При такой децентрализации учреждений нотариального характера появилось много отдельных образований, регулирующих конкретные правоотношения. Такое состояние не способствовало

эффективности государственного контроля в имущественных правоотношениях. Однако положение дел по нотариальной части в Уфимском уезде качественно отличалось от такового в центральной части Российской империи. В XVIII веке нотариальные функции в Уфимском уезде выполняли площадные подьячие, приказные подьячие. В целом для развития нотариального производства в крае характерна преемственность от одних должностных лиц и органов к другим. Благодаря ей сохранилась высокая требовательность при наделении частноправовых актов публично-правовой силой.

Библиографический список

1. *Асфандияров А.З.* Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 159 с.
2. *Демис Л.* Юридический словарь практический гражданского права, преимущественно частного, т.е. об отношениях семейственных и по имуществам и дого- ворам. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1859. Ч. 1. 403 с.
3. *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
4. *Искужин Т.С., Ишкулов Ф.А.* История государства и права Башкортостана. В нормативных актах, документах и материалах официального делопроизводства. Уфа: Китап, 1996. 224 с.
5. *Материалы по истории Башкирской АССР.* М.: АН СССР, 1949. Т. III. 690 с.
6. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857. 546 с.
7. *Полное собрание законов Российской Империи. Отделение I.*
8. *Российский государственный архив древних актов. Ф. 615. Крепостные книги местных учреждений XVI–XVIII вв., 40 ед. хр. Оп. 1, ч. 2.*
9. *Шаповалова Л.Л.* Институт нотариата в России. Историко-правовой аспект. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. 176 с.

NOTARIAL ACTIVITY OF THE CLERK IN THE UFA DISTRICT IN THE XVIIIth CENTURY

A.R. Khaibullin

Institute of right of the Bashkir state university. 131, Dostoevsky's st., Ufa, Bashkortostan, 450000
E-mail: conf-xar@bk.ru

In article the formation and activity question подьячих in the Ufa district in first half XVIII century is analyzed, features of development of a domestic notariate in territory of the given district also reveal.

Keywords: the clerk; registration; a notariate; the Ufa district; a notarial act